

**И. И. Болычев,
доцент Литературного института,
канд. филол. наук**

ПОЭЗИЯ БЕЗ СЛОВ. ЛИРИКА ГЕОРГИЯ ИВАНОВА*

Это выступление можно было бы назвать «распад атома слова», «смысл, раскаленный добела», или более «научно» — «изменение номинативной функции слова в интонационно — смысловом поле стихотворений Г. Иванова».

Выскажем сразу и основной тезис сообщения: номинативная функция слова в стихах Г. Иванова имеет тенденцию ослабевать до полного растворения в этом самом интонационно-смысловом контексте.

Попробуем уподобить слово атому — в классическом его представлении (скажем, начала XX века) — ядро (главное смысловое значение, с которым и связана основная функция слова — номинативная, назывная), а вокруг электронные облака — эмоциональные, ассоциативные и прочие функции слова. В классической литературе сотканые из таких атомов произведения, безусловно, учитывали электронно-побочные функции слова, они были необходимы для сцепления слов (как и в химии), для создания нового вещества или, в филологическом смысле, цельного высказывания, произведения. То есть химически грамотно соединенные слова приводили к созданию некоего нового объекта, уникального и неповторимого высказывания, гармоничного и живого, как, например, стихотворение Пушкина «Мороз и солнце...». Для нас принципиально важно, что слова в стихах Пушкина не перестают «означать», то что они означают» в обыденной жизни или, скажем, в академическом словаре. Более того, возможно одной из главных составляющих

* Статья написана по докладу на Горшковских чтениях Литературного института в ноябре 2003г.

таланта великого поэта была именно его способность к точному словоупотреблению. Пушкин не зря заглядывал в Академический словарь, он выбирал стопроцентно точные слова для выражения стопроцентно точных «содержаний» — эмоций, ситуаций, поступков, жестов (как внешних, так и внутренних), и такая безупречная точность попадания раз за разом в «десятку», возможно, и лежит в основе того изумления, граничащего с ужасом перед сверхъестественным, которое настаивает читателя стихов и прозы Пушкина. Нам же важно то, что в классическом словоупотреблении (у Пушкина) делается установка именно на главное, словарное значение слова, на его номинативную, назывную функцию. Кстати сказать, такая лексическая установка, которую вполне логично назвать «классической», подразумевает и аполлоническое, дневное содержание произведений, и соответствующее мировоззрение. Но если мы вспомним Гоголя, то уже у него заметим несколько иное отношение к слову. Уже у Гоголя (по сравнению с Пушкиным) начинают более активно использоваться обертона слов, их периферия, и тем самым в прозе Гоголя, скорее ночной и дионисийской, слова начинают взаимодействовать уже на более глубинном ассоциативном уровне.

Итак, в классике слова в рамках одного произведения, сгруппированные поэтом и связанные друг с другом, не теряют своих обычных, словарных значений, но напротив, выполняют свою функцию в произведении именно благодаря этим естественным значениям, означают то, что означают. Иначе говоря — остаются атомами, мельчайшими частицами вещества, в которых еще сохраняются свойства этого вещества. Ибо дальнейшее дробление, распад атома, приводит к образованию более мелких так называемых «элементарных» частиц нейтронов, протонов, электронов и проч., но уже не обладающих свойством вещества: разрушенный атом водорода превращается в протон и электрон и в химическом смысле исчезает. Если мы продолжим нашу аналогию, то можно сказать, что подобно тому, как атомы и молекулы, состоят из одинаковых элементарных частиц, тем не менее обладают неповторимыми уникальными свойствами вещества, так и слова, состоят из элементарных частиц — звуков, являются своего рода атомами и молекулами смысла. Так вот, как мы уже видели в классике из классических атомов-молекул слов классические гении (Пушкин) создают классические шедевры-высказывания, аналоги классических нормальных веществ — земли, воды, воздуха, известных в физике как агрегатные состояния вещества, — твердое, жидкое и газообразное.

Четвертую классическую стихию — огонь, я опустил намеренно. Ибо эта четвертая стихия, в отличие от трех перечисленных, — не состоит из атомов и молекул, а представляет собой особое, четвертое состояние вещества, которое физики называют плазмой. В этой самой плазме, в этом самом огне, атомы и молекулы распадаются на свои составные части и утрачивают свои свойства. Применительно к словам

— распадаются на бессмысленные (с классической точки зрения) звуки. В этом смысле знаменитое «дыр бул щир убещур» Крученыха — и есть пример неуправляемой словесной плазмы. Высказывание, составленное из распавшихся атомов. Неуправляемая ядерная реакция - атомный взрыв бессмыслицы. Дабы завершить физические аналогии и перейти наконец к Г. Иванову, отмечу, что у Г.Иванова, в отличие от некоторых футуристов, ядерные реакции носили вполне управляемый характер. Разница между управляемой и неуправляемой реакциями сегодня вполне очевидна: с одной стороны свет в доме, с другой — Хиросима, в данном случае — духовная Хиросима.

Поэзия, кстати сказать, шагая в ногу с физикой, в двадцатом веке научилась обращаться со словесной плазмой. То есть «новое» обращение со словом (которое в зачаточном состоянии было всегда у Державина, например затем у Гоголя, ближайший предшественник — Анненский) было свойственно не только Г. Иванову, элементы «плазменного» стиля есть и у Пастернака и, конечно, у Мандельштама. Но у Пастернака процессы несут не всегда управляемый характер (что впрямую отражается на смысле), а у Мандельштама эти элементы осложнены ассоциативной (иногда очень сложной) образностью. Так что для исследования стихи Г. Иванова удобны тем, что в них мы встречаемся с этим феноменом в наиболее очищенном виде. Заметим еще, что фольклор давно с этой плазмой умел обращаться. И в народной песне какое-нибудь «люшеньки-люли», дополненное мелодией распева, могло заключать половину всего «смысла», «содержания» песни. Здесь кстати уместно ответить и на вопрос, зачем вообще нужно это разрушение слова, почему не обойтись старым, классическим. Ответ таков: для высвобождения творческих энергий, тех самых, которые и воздействуют на читателя. А энергии высвобождаются колоссальные. Поэтому и разрушительная их сила велика. Но зато и созидательная огромна. Автор пытается сравниться по энергетике с народной песней.

Для того, чтобы распавшиеся или же сильно деформированные атомы слов, перешедших в иное агрегатное состояние, в своей совокупности все-таки имели вполне определенный (хотя и не всегда «классический») смысл, т.е. были управляемыми, необходима сила, необходимо некое поле, которое удерживало бы все эти раскаленные частицы вместе. В стихотворении таковым полем может быть только интонационно-звуковой строй. Интонационно-звуковое поле и есть та самая узда, которая объединяет распавшиеся атомы воедино, придает смысл. До известной степени интонационно-звуковое поле (которое образуется на более высоком синтаксическом уровне) и само является носителем смысла, гораздо в большей степени, чем это было в классической поэзии. Это поле и разрушает-деформирует слова, оно же их и удерживает. Оно ответственно за общий смысл, утрируя, является главным носителем общего смысла, вступает в сложные взаимодействия со словарными значениями слов, подчиняет их этому главному смыслу, иногда деформируя словарные значения до антонимических.

Вот пример:

Листья падали, падали, падали,
И никто их не мог удержать.
От гниющей листвы, как от падали.
Тяжело становилось дышать.
И неслось светозарное пение
За плескавшей в тумане рекой,
Обещая в блаженном успении
Отвратительный вечный покой.

Если мы (да простит нас Г. Иванов) заменим слово «отвратительный» на «восхитительный», то обнаружим, что силовое поле всего стихотворения, столкнувшись с инородным «чужаком», трансформирует его до неузнаваемости и, придав ему саркастический оттенок, все равно заставляет обозначать «отвратительный». Любопытно и принципиально то, что стихотворение даже от такой некорректной (а в сущности идиотской замены) не рассыпается, не перестает существовать, но переваривает чужака, действует, как единый живой организм, продолжает оставаться собой, сохраняет прежний смысл. (в данном случае почти полного отчаяния).

В стихотворении «Полутона рябины и малины...» первое четверостишие набор абсолютно бессвязных образов и предложений, постепенно дополняясь другими не особенно логически связанными образами и словами, вырастает до реквиема утраченной и дорогой сердцу автора прежней культуре. Этот распад и смешение отдельных слов, образов, культурных реалий нужен для более тонкого и интенсивного выражения общего смысла.

Другой пример словесного сплава — стихотворение «Отзовись ку-кушечка»

.....
Из огня да в полымя, где тонко там и рвется.
Палочка-стукалочка, полушка четвертак.

Перед нами типичный «смысл, раскаленный добела», сотканный из словесного мусора, разогретый до невероятного каления, пронзительно нежный и до цинического отчаяния безнадежный, этот смысл все-таки, вопреки всему, именно благодаря своей раскаленности, в каком то конечном, самом главном своем проявлении, в каком то последнем запредельном своем устремлении — светел и утверждают, . Не жизнеутверждающ. Ибо жизнь миру «никогда и ничего не простит». Просто утверждающ. Метафизически утверждающ. А почему? Да потому что раскален добела. А при таких температурах духа слова распадаются, как атомы. Кстати отметим и различие между «смыслом, раскаленным добела» и «матерной бранью на метафизическом заборе», каковой

являлась, по мнению Г. Иванова, практика неуправляемых словесно-ядерных распадов в роде «дыр бул шир убещур».

Подход, который мы попытались предложить в своем сообщении, в частности позволяет более или менее сносно объяснить, почему, номинально «пессимистические», «негативные», «циничные» и т.п. стихотворения Г.Иванова, оставляют после себя свет, надежду и веру. Они пронизаны этой самой верой на интонационно-звуковом уровне. Грубо говоря, — исходя из словарных значений слов, утверждения Иванова пессимистичны, но слова трансформированы в интонационном поле стихотворения, подстроены под главный смысл и, забыв о своих прямых значениях, работают на главный смысл, позитивный.

Похоже, именно это и имел в виду поэт, употребивший, как и положено поэту, вместо неуклюжего словосочетания «интонационно-звуковой строй», позаимствованное у Блока слово «музыка» (со всеми его обертонами):

Это музыка миру прощает,
То, что жизнь никогда не простит,
Это музыка путь освещает,
Где погибшее счастье летит.